

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

1

В далеком тысяча восемьсот шестидесятом году родиться дома не считалось зазорным. Нынче-то мне известен вердикт верховных жрецов от медицины: свой первый крик новорожденный должен издавать в благоухающем анестетиками воздухе больницы, предпочтительно самой модной. Стало быть, молодые мистер и миссис Роджер Баттон лет на пятьдесят опередили прогресс, разрешив в один прекрасный летний день тысяча восемьсот шестидесятого года своему первенцу родиться в клинике. Имел ли сей анахронизм какое-либо отношение к поразительной истории, которую я собираюсь поведать, доподлинно неизвестно.

Я расскажу вам, что случилось, а вы уж судите сами.

Баттоны занимали завидное положение — как общественное, так и финансовое — в довоенном Балтиморе. Оба являлись отпрысками Тех Самых Семейств и входили в непомерно широкий круг представителей южной аристократии, расплодившихся в штатах Конфедерации. Это был их первый опыт приобщения к очаровательному старинному обычаю деторождения, так что мистер Баттон нервничал не на шутку. Он очень надеялся, что это будет мальчик, которого он пошлет учиться в Йельский университет, что в Коннектикуте. Сам мистер Баттон четыре года провел в вышеупомя-

нутом учебном заведении, где был известен под весьма предсказуемым прозвищем Батон.

В то сентябрьское утро, когда должно было свершиться грандиозное событие, он встревоженно пробудился в шесть часов, оделся, поправил безукоризненный узел на галстук и устремился по улицам Балтимора в сторону больницы, дабы узнать, разрешилась ли ночная мгла новой жизнью.

Находясь приблизительно в ста ярдах от Мэрилендской частной клиники для леди и джентльменов, он увидел своего семейного врача доктора Кина, который спускался по главной лестнице и потирал руки, словно бы умывая их, как рекомендуют всем врачам неписанные правила профессиональной этики.

Мистер Роджер Баттон, почтенный президент компании по оптовой торговле скобяными изделиями «Роджер Баттон и К^о», пустился бегом навстречу доктору Кину с куда меньшей почтенностью, чем можно было бы ожидать от джентльмена-южанина той живописной эпохи.

— Доктор Кин! — зывал он. — О доктор Кин!

Заслышав его зов, доктор огляделся и остановился в ожидании. Когда мистер Баттон подбежал к нему, на суровом лице эскулапа появилось необычное выражение.

— Что случилось? — набросился на него мистер Баттон, не успев отдышаться. — Что такое? Как она? Это мальчик? Или кто? Или что?..

— Не мелите чепухи! — оборвал его доктор Кин. Он казался слегка раздосадованным.

— Дитя родилось? — взмолился мистер Баттон.

Доктор Кин нахмурился.

— Ну да, полагаю... в известной степени. — Он снова бросил странный взгляд на мистера Баттона.

— Моя жена здорова?

— Да.

— Мальчик или девочка?

— Прошу вас! — вскричал доктор Кин в пылу совершенного гнева. — Немедленно ступайте, и сами все увидите. Черт-те что! — Последнее доктор рявкнул чуть ли не одним словом, а затем отвернулся и пробормотал: — Вы представляете себе, как подобное может повлиять на мою профессиональную репутацию? Случись такое еще раз — и я уничтожен, да и любой другой на моем месте.

— В чем дело? — в ужасе спросил мистер Баттон. — Тройня?

— Нет, не тройня! — отрезал доктор. — Хотите знать больше — ступайте и убедитесь сами. И позовите другого врача. Я помог вам появиться на свет, юноша, и сорок лет был вашим семейным доктором, но с меня довольно! Не желаю больше видеть ни вас, ни кого-либо из ваших родственников! Всех благ!

Он стремительно развернулся, молча вскочил в свой фаэтон, ожидавший на стоянке, и, пылая негодованием, умчался прочь.

Мистер Баттон ошеломленно застыл на дорожке, дрожа с головы до пят. Что за ужасное несчастье его постигло? Внезапно он утратил всякое желание заходить в Мэрилендскую частную клинику для леди и джентльменов — и лишь ценой громадного напряжения воли минуту спустя он все-таки заставил себя подняться по лестнице, ведущей к парадной двери, и переступить порог.

За столом в матовом сумраке коридора сидела медсестра.

Проглотив стыд, мистер Баттон приблизился к столу.

— Доброе утро, — сказала медсестра, приветливо глядя на него.

— Доброе утро. Я... я мистер Баттон.

Выражение крайнего ужаса исказило девичье лицо. Она встала и, казалось, уже готова была сорваться и упорхнуть из коридора, но сдерживала себя с явным трудом.

— Я хочу видеть свое дитя, — сказал мистер Баттон.

У медсестры вырвался негромкий вскрик.

— Не... непременно! Наверх! — истерически взвизгнула она. — Прямо наверху! Идите... вверх!

Мистер Баттон повернулся на ватных ногах и, обливаясь ледяным потом, пошел в указанном медсестрой направлении — на второй этаж. В коридоре на втором этаже он обратился к другой медсестре, которая шла ему навстречу с тазиком в руке.

— Я м-мистер Баттон, — выдавил он. — Я хочу видеть свое...

«Бэммс!» — тазик брякнулся на пол и покатился к лестнице. «Бэммс! Бэммс!» — начал он методично отсчитывать ступени, словно разделяя всеобщий ужас, который вызывал этот господин.

— Я хочу видеть своего ребенка! — чуть ли не заверещал мистер Баттон, будучи уже на грани обморока.

«Бэммс!» — тазик достиг первого этажа. Медсестра обрела самообладание и бросила на мистера Баттона взгляд, исполненный неподдельного презрения.

— Хорошо. Мистер. Баттон, — сказала она, понизив голос. — Очень. Хорошо! Но если бы вы только знали, в каком состоянии мы из-за всего этого с самого утра! Это совершенно чудовищно! Больница никогда не обретет и тени прежней репутации после...

— Скорее! — прохрипел он. — Я этого не вынесу!

— Тогда пройдемте сюда, мистер Баттон.

Он потащился следом за медсестрой. В самом конце длинного коридора находилась просторная комната, из которой доносились разнообразные крики и стенания — ныне, на современном языке, это помещение

несомненно именовалось бы «комнатой плача». Они вошли туда.

— Ну, — выдохнул мистер Баттон, — который тут мой?

— Вон тот! — сказала медсестра.

Мистер Баттон проследил глазами за ее указующим перстом и увидел вот что: в одной из колыбелей, втиснутый в нее лишь частично, сидел завернутый в обширное белое одеяльце старик лет этак семидесяти на вид. Его редкие волосы были почти белыми, а из подбородка произрастала жидкая дымчатая бороденка, весело трепетавшая под дуновением ветра из окна. Старик поднял на мистера Баттона тусклые бесцветные глаза, в которых таились недоумение и невысказанный вопрос.

— Я что, по-вашему, с ума сошел? — прогремел мистер Баттон, страх которого разрешился яростью. — Это какая-то чудовищная больничная шутка?

— Нам это вовсе не кажется шуткой, — сурово ответила медсестра. — Я не знаю, сошли вы с ума или нет, но это совершенно точно ваш ребенок.

Холодный пот повторно оросил чело мистера Баттона. Он закрыл глаза, потом открыл их и снова взглянул на колыбель. Нет, это не ошибка — он смотрел на семидесятилетнего человека, на семидесятилетнее дитя, дитя, ноги которого свисали через край колыбельки, в которую его запихнули.

Старый младенец окинул вошедших безмятежным взором, а затем внезапно заговорил надтреснутым старческим голосом.

— Вы, что ли, мой отец? — строго спросил он.

Мистер Баттон и медсестра дружно содрогнулись, а старик тем временем продолжил ворчливо:

— Потому что если это так, то я желаю, чтобы вы забрали меня из этого кошмарного места. Или хотя бы пусть дадут мне удобное кресло-качалку.

— Откуда ты взялся, бога ради? Кто ты такой? — в отчаянии вскричал мистер Баттон.

— Не могу *определенно* сказать, кто я такой, — ворчливо занял в ответ старик, — поскольку я родился всего несколько часов назад, но фамилия моя несомненно Баттон.

— Ты лжешь! Самозванец — вот ты кто!

Старик устало повернулся к медсестре.

— Вот так радушно он встречает свое новорожденное дитя, милочка, — пожаловался он тонким голосом. — Скажите же ему, что он не прав, чего вы молчите?

— Вы не правы, мистер Баттон, — строго произнесла медсестра. — Это ваш ребенок, и вы должны заботиться о нем. Мы попросили бы вас сегодня же забрать его домой, и как можно скорее.

— Домой? — переспросил мистер Баттон, не веря своим ушам.

— Да, мы не можем держать его здесь. В самом деле не можем, понимаете?

— Я и сам рад убраться отсюда, — жалобно занял старикашка. — Это прекрасное место для малышей с неприхотливыми вкусами. От этих воплей и визгов я глаз не мог сомкнуть. А когда я попросил поесть, — тут его голос задрожал, в нем появились пронзительные нотки возмущения, — мне принесли бутылочку молока!

Мистер Баттон рухнул на стул у кровати сына и спрятал лицо в ладонях.

— Господи! — пробормотал он исступленно. — Что скажут люди? Что мне делать?

— Вы должны забрать его домой, — настоятельно повторила медсестра. — И немедленно!

Перед глазами несчастного страдальца сама собой с ужасающей ясностью нарисовалась гротескная картинка: вот он идет по людным городским улицам, а рядом вышагивает это отвратительное наваждение.

— Я не могу. Не могу! — простонал он.

Люди будут останавливаться, заговаривать с ним, и что он им скажет? Ему придется представить это... семидесятилетнее исчадие: «Знакомьтесь, мой сын, он родился нынче утром».

А после старикашка запахнется в одеяло, и они побредут своей дорогой мимо многолюдных лавок, мимо невольничьего рынка — на какое-то мрачное мгновение мистер Баттон горько пожалел, что сын его не родился чернокожим, — мимо роскошных домов жилого квартала, мимо богадельни...

— Довольно! Возьмите же себя в руки, — велела ему медсестра.

— Тут вот какое дело, — внезапно объявил старик. — Если вы думаете, что я пойду домой в этом одеяле, то глубоко ошибаетесь.

— Младенцев всегда заворачивают в одеяльце.

Злобно крикнув, старикашка помахал в воздухе белым подгузником.

— Смотрите! — произнес он дрожащим голосом. — Они приготовили для меня *вот это!*

— Все младенцы носят это, — чопорно возразила медсестра.

— Что ж, — сказал старикашка, — в ближайшие две минуты этот младенец останется в чем мать родила. Одеяло ваше кусачее. Дали бы хоть простынку.

— Прикройся! Прикройся немедленно! — поспешно велел ему мистер Баттон и повернулся к медсестре. — Что мне делать?

— Ступайте в город и купите сыну какую-нибудь одежду.

В коридоре мистера Баттона настиг скрипучий голос сына:

— И трость, папенька! Я хочу себе тросточку!

Мистер Баттон с яростью захлопнул за собой входную дверь...

— Доброе утро, — нервно сказал мистер Баттон продавцу Чесапикской галантерейной компании. — Я хотел бы купить одежду для моего ребенка.

— А какого возраста дитя, сэр?

— Около шести часов, — ответил мистер Баттон, не раздумывая.

— Отдел для новорожденных в тыльной части здания.

— Но... я не думаю, что... Я не уверен, что мне нужен именно тот отдел. Оно... он необычайно крупный младенец. Исключительно... эм... крупный.

— Там и для крупных найдется.

— А где у вас отдел для мальчиков? — спросил мистер Баттон, в отчаянии переминаясь с ноги на ногу. Ему казалось, продавец вот-вот учует его постыдную тайну.

— Прямо здесь.

— Что ж...

Его снедали сомнения. Мысль о том, чтобы нарядить сына в мужскую одежду, была ему невыносима. Вот если бы, скажем, найти достаточно большую одежду для мальчика, то можно было бы обстричь ему эту жуткую длинную бороду и выкрасить белые волосы в каштановый цвет, скрыв таким образом наихудшее и тем самым вернув толику самоуважения... о положении в обществе Балтимора, увы, не могло быть и речи.

Но лихорадочная инспекция отдела для мальчиков не выявила ни одного костюма, который пришелся бы впору новорожденному Баттону.

Конечно же, виноват был магазин — в таких случаях самое милое дело обвинять магазины.

— Какой возраст, вы говорите, у вашего мальчика? — с любопытством уточнил продавец.

— Ему шесть...надцать.

— О, прошу прощения. Я подумал, вы сказали «шесть часов». Отдел для юношей вы найдете в следующем ряду.

Несчастный мистер Баттон повернулся, чтобы уйти. А затем замер, просияв, и указал на манекен в витрине.

— Вот он! — воскликнул мистер Баттон. — Я возьму тот костюм, что на манекене.

Продавец остолбенел.

— Но это совсем не детский костюмчик, — возразил он. — Ну, то есть это конечно, *костюм младенца*, но только он для карнавала. Вы и сами могли бы его надеть!

— Заверните, — настаивал нервный покупатель. — Я хочу именно этот костюм.

Потрясенный продавец повинился.

Вернувшись в клинику, мистер Баттон вошел в палату для новорожденных и чуть ли не швырнул сверток в своего сына.

— Вот. Одевайся, — рявкнул он.

Старик развернул пакет и недоуменно осмотрел содержимое.

— Какая-то несуразная одежда, как по мне, — посетовал он. — Не хочу, чтобы из меня делали посмешище...

— Ты сделал посмешище из меня! — вспыхнул мистер Баттон. — Подумаешь, смешно он выглядит! Надевай... или я... или я тебя *отилепаяю!*

Он с трудом проглотил послевкусие последнего слова, чувствуя, однако, что именно так и следовало сказать.

— Хорошо, папа. — Это была забавная имитация сыновнего уважения. — Вы старше. Вам лучше знать. Как скажете.

И снова звучание слова «папа» заставило мистера Баттона мучительно содрогнуться.

- Да поторопись.
- Я тороплюсь, папа.

Когда сын оделся, мистер Баттон оглядел его с тоской. Костюм состоял из носков в горошек, розовых штанишек и подпоясанной блузы с широким белым слюнявчиком спереди. Поверх последнего почти до самого пояса струилась длинная белесая борода. Смотрелось все это нехорошо.

- Погоди-ка!

Мистер Баттон схватил больничные ножницы и в три быстрых щелчка ампутировал большую часть бороды.

Но и после этой манипуляции общее впечатление осталось далеким от совершенства. Оставшиеся при хозяине редкий ежик волос, слезящиеся глаза и древние зубы причудливо диссонировали с нарядным костюмчиком. Однако мистер Баттон был неумолим. Он протянул руку.

- Идем! — велел он строго.

Сын доверчиво взял отца за руку.

— А как вы будете меня называть, папенька? — проблеял он дрожащим голосом, когда они выходили из палаты для новорожденных. — Просто «дитя»? Пока не придумаете имя получше?

Мистер Баттон поперхнулся.

— Не знаю, — отрезал он. — Пожалуй, мы будем звать тебя Мафусаилом.

3

Даже после того, как пополнению семейства Баттон остригли волосы и окрасили их в радикально-черный, на редкость ненатуральный цвет, когда его выбрили чуть ли не до блеска и нарядили в детский костюмчик, сшитый на заказ ошарашенным портным,

Баттон просто не мог игнорировать тот факт, что его сын — жалкое подобие настоящего первенца в семье. Несмотря на старческую сутулость, Бенджамин Баттон — именно такое имя ему дали вместо куда более подходящего, но слишком уж вопиющего Мафусаила — был ростом пять футов восемь дюймов. Одежда была не в силах это замаскировать, как не могли стрижка и покраска бровей скрыть тот факт, что глаза под этими бровями были тусклыми, водянистыми и усталыми. Надо сказать, что заблаговременно нанятая няня покинула дом в состоянии крайнего возмущения, едва взглянув на предполагаемого подопечного.

Но мистер Баттон не сворачивал с избранного курса. Бенджамин был ребенком, и ему надлежит оставаться ребенком. Поначалу он заявил, что, если Бенджамину не нравится теплое молоко, он может вообще обходиться без еды, но в конце концов смилиостивился и позволил сыну хлеб с маслом и даже овсянку в качестве компромисса. Однажды он принес домой погремушку, вручил ее Бенджамину и в недвусмысленных выражениях потребовал, чтобы тот «игрался с ней», после чего старик взял ее с усталой миной, и весь день время от времени по дому разносилось послушное позвякивание.

Впрочем, не было никаких сомнений, что погремушка ему наскучила и, оставаясь в одиночестве, он находил себе другие, более отрадные развлечения. Как-то раз, например, мистер Баттон обнаружил, что за прошедшую неделю выкурил гораздо больше сигар, чем когда-либо прежде. Феномен сей объяснился несколько дней спустя, когда, неожиданно войдя в детскую, отец увидел, что комната полна сизого дыма, а Бенджамин с виноватым видом пытается спрятать окурок темной «гаваны». Тут, разумеется, требовалась жесткая порка, но оказалось, что мистер Баттон не в силах

заставить себя осуществить оную. Отец ограничился предупреждением, что, дескать, «курение замедляет умственное развитие».

Но все-таки он продолжил гнуть свою линию. Он приносил домой оловянных солдатиков, игрушечные паровозики, приносил больших и милых тряпичных зверюшек, набитых ватой, и, чтобы довести до совершенства создаваемую им — по крайней мере, для самого себя — иллюзию, страстно допытывался у продавца в магазине игрушек, «не потечет ли краска с розового утенка, если ребенок возьмет его в рот». Но вопреки всем отцовским усилиям Бенджамин не желал интересоваться игрушками. Он украдкой спускался по черной лестнице и возвращался в детскую с очередным томом Британской энциклопедии, над которым и корпел всю вторую половину дня, а тем временем набитые ватой коровки и крошечный Ноев ковчег валялись позабытые на полу. Ввиду такого упорства все усилия мистера Баттона были тщетны.

Поначалу шумиха, поднявшаяся в Балтиморе, была просто чудовищной. Во что обошлось бы это несчастье Баттонам и всей их родне, определить невозможно, поскольку грянула Гражданская война и внимание города отвлекли совершенно другие события и явления.

Те немногие люди, которые были неизменно учтивы, сломали головы, чем бы потрафить бедным родителям, и в конце концов изобрели хитроумный комплимент, заявив, что ребенок похож на своего деда. Сей факт, учитывая общее состояние упадка, свойственное всем мужчинам семидесяти лет, трудно было оспорить. Мистер и миссис Баттон не слишком обрадовались, а дедушка Бенджамина оскорбился до крайности.

Бенджамин, едва выйдя из клиники, принял жизнь такой, какой она была. К нему приводили поиграть

маленьких мальчиков, и он до боли в суставах пытался пробудить в себе интерес к лазанью на горку и мраморным шарикам. Ему даже удалось ненароком разбить окно в кухне камнем из рогатки, и отец его получил от этого тайное наслаждение.

С тех пор Бенджамин ежедневно ухитрялся что-нибудь разбить или сломать, но только потому, что от него ждали шалостей, а он по натуре своей был услужлив.

Когда улеглось первоначальное предубеждение его деда, они с Бенджамином стали получать громадное удовольствие в обществе друг друга. Они могли часами просиживать, эти двое, столь далекие по возрасту и жизненному опыту, и, словно старые приятели, с неустанной монотонностью обсуждать неспешные события дня. Бенджамин куда свободнее чувствовал себя рядом с дедом, нежели в присутствии родителей, — те, похоже, всегда испытывали по отношению к нему благоговейный трепет и, несмотря на авторитарную власть над ним, частенько обращались к нему «мистер».

Как и все, он был обескуражен преклонным возрастом своего разума и тела при рождении. Он проштудировал медицинский журнал, но не нашел ни единого подобного случая, зафиксированного прежде. По настоянию своего родителя он честно пытался играть с другими мальчиками, но старался выбирать игры побезопаснее. Футбол слишком ошеломлял его, и он боялся, что в случае перелома его древние кости не захотят срастаться.

В пять лет Бенджамина отправили в детский сад, где его стали приобщать к искусству наклеивания зеленой бумаги на оранжевую, плетения цветных бумажных ковриков и изготовления вечных картонных бус. Он имел склонность задремывать посреди этих увлекательных занятий, чем одновременно раздражал

и пугал молодую воспитательницу. К великому его облегчению, та пожаловалась родителям, и они забрали его из детского сада. Друзьям Роджер Баттон объяснил, что его сын еще слишком мал.

К двенадцати годам родители уже совершенно к нему притерпелись. Сила привычки оказалась настолько велика, что они больше не видели в нем никаких отличий от всех прочих детей, разве что какая-нибудь курьезная аномалия внезапно напоминала им об этом. Но однажды, несколько недель спустя после его двенадцатого дня рождения, Бенджамин, разглядывая себя в зеркало, сделал, или это ему только показалось, что он сделал, поразительное открытие. Это глаза его подводят или на самом деле за двенадцать лет жизни волосы на голове из белоснежных стали серебристо-серыми под маскирующей седину краской? И правда ли, что сетка морщин на лице становилась все менее явственной? И кожа стала более здоровой и упругой и даже обрела некое подобие морозного румянца? Он не знал ответов. Он только чувствовал, что больше не сутулится и что его физическое состояние улучшилось по сравнению с первыми днями жизни.

«А может ли быть так, что...» — подумал он, или, точнее, едва осмелился подумать.

Он обратился к отцу.

— Я уже взрослый, — решительно объявил он, — и хочу носить длинные штаны.

Отец заколебался.

— Ну, — сказал он наконец, — я даже не знаю. Длинные штаны обычно начинают надевать в четырнадцать лет, а тебе только двенадцать.

— Но вы должны признать, — возразил Бенджамин, — что для своего возраста я слишком высок.

Отец поглядел на него с притворной задумчивостью.

— О, я не уверен, — сказал он. — В двенадцать лет я был таким же рослым, как ты.

Эта ложь была частью соглашения Роджера Баттона, заключенного им с самим собой, дабы уверовать в «нормальность» своего сына.

Наконец они достигли компромисса. Бенджамин должен был продолжать красить волосы. И еще стараться побольше играть с мальчиками своего возраста. На улице он не должен был носить очки и пользоваться тростью. А взамен получил свой первый костюм с длинными брюками...

4

Мне почти нечего рассказать о жизни Бенджамина Баттона между двенадцатью и двадцатью одним годом. Довольно лишь отметить, что это были годы естественного омоложения. В восемнадцать лет Бенджамин обрел стать пятидесятилетнего мужчины, густую, темную с проседью шевелюру и твердый шаг. Голос утратил старческий надлом и дрожание, понизившись до здорового баритона. Поэтому отец отправил его в Коннектикут — сдавать экзамен для поступления в Йельский университет. Экзамен был пройден успешно, и Бенджамин влился в ряды первокурсников.

На третий день после зачисления он получил записку, что ему надлежит явиться в кабинет секретаря колледжа мистера Харта и составить расписание. Взглянув в зеркало, Бенджамин решил, что волосам не помешает освежить темно-коричневый тон, однако тревожный осмотр ящика бюро показал: флакона с краской там нет. А потом он вспомнил, что опустошил его еще позавчера и выбросил.

Возникла дилемма. Он обязан был явиться к секретарю через пять минут. Похоже, делать нечего — придется идти как есть. Так он и сделал.

— Доброе утро, — учтиво приветствовал его секретарь. — Вы приехали справиться о своем сыне.

— Ну, видите ли, моя фамилия Баттон... — начал Бенджамин, но мистер Харт его перебил:

— Рад познакомиться, мистер Баттон. Я ожидаю вашего сына с минуты на минуту.

— Это я и есть! — взорвался Бенджамин. — Я и есть первокурсник Баттон.

— Что?

— Я первокурсник.

— Вы, несомненно, шутите.

— Нимало.

Секретарь нахмурился и заглянул в карточку, лежащую перед ним на столе.

— Что ж, здесь у меня указано, что мистеру Бенджамину Баттону восемнадцать лет.

— Это мой возраст, — заявил Бенджамин, слегка краснея.

Секретарь смерил его долгим усталым взглядом.

— Право слово, мистер Баттон, вы же не думаете, что я в самом деле поверю в это.

Бенджамин бессильно улыбнулся.

— Мне восемнадцать, — повторил он.

Секретарь строго указал ему на дверь.

— Убирайтесь! — велел он. — Вон из колледжа, вон из города. Вы опасный безумец.

— Мне восемнадцать.

Мистер Харт распахнул дверь.

— Чего вздумали! — заорал он. — Человеку ваших лет прикидываться первокурсником. Восемнадцать вам, говорите? Что ж, даю вам восемнадцать минут, чтобы убраться из города.

Бенджамин Баттон с достоинством покинул кабинет, провожаемый изумленными взглядами полуджины студентов, ожидавших в коридоре. Сделав несколько шагов, он обернулся, посмотрел прямо в лицо

разъяренному секретарю и повторил твердо и отчетливо:

— Мне восемнадцать лет.

Под хор смешков, раздавшихся в группе студентов, Бенджамин ушел.

Но ему не повезло отделаться так дешево. Оказалось, что, пока он в меланхолии брел в сторону железнодорожной станции, за ним увязалась сперва группа, потом рой, а затем и плотная толпа студентов старших курсов. Слух о безумце, который сдал вступительный экзамен и решил проникнуть в Йель, прикинувшись восемнадцатилетним, разлетелся повсюду. Весь колледж пришел в лихорадочное возбуждение. Студенты и преподаватели выбегали из классов с непокрытыми головами, футбольная команда бросила тренировку и влилась в толпу, профессорские жены в криво завязанных чепцах и сбившихся набок турнюрах с криками бежали следом за процессией, которая то и дело разражалась едкими замечаниями, нацеленными в нежную чувствительность Бенджамина Баттона.

— Наверное, он и есть Вечный Жид!

— Да в его-то годы ему надо в подготовительную школу!

— Поглядите на этого вундеркинда!

— Он решил, что здесь дом призрения!

— Проваливай в Гарвард!

Бенджамин прибавил шаг и вскоре пустился бегом. Он покажет им! Он *пойдет* в Гарвард, и тогда они пожалеют о своих необдуманных насмешках!

Оказавшись в безопасности в вагоне поезда на Балтимор, он высунулся из окна и крикнул:

— Вы еще пожалеете об этом!

— Ха-ха! — смеялись ему вслед студенты. — Ха-ха-ха!

И это была самая большая ошибка Йельского университета за всю его историю...

В тысяча восемьсот восьмидесятом году Бенджамину Баттону исполнилось двадцать, и он отметил свой день рождения, поступив на службу в отцовскую компанию оптовой торговли скобяными изделиями «Роджер Баттон и К°». В тот же год он начал «вращаться» — а именно, отец настоял на том, чтобы брать его с собой на всяческие модные балы. Роджеру Баттону к тому времени было уже пятьдесят, и они с сыном сближались все больше и больше — на самом деле, поскольку Бенджамин перестал красить волосы (в которых по-прежнему серебрилась седина), они выглядели почти ровесниками и могли бы сойти за братьев.

Однажды августовским вечером, нарядившись в парадные костюмы, они сели в фаэтон и отправились на бал в загородное имение Шевлинов, расположенное неподалеку от Балтимора. Вечер выдался роскошный. Полная луна окрасила дорогу в приглушенный оттенок платины, а поздние летние цветы выдыхали в неподвижный воздух густые ароматы, подобные тембристому, негромкому смеху.

Поля по краям дороги, усталые ковры яркой пшеницы, были прозрачны и светлы, будто днем. И было почти невозможно не восхититься безыскусной красотой неба — *почти* невозможно.

— У скобяной мануфактуры большое будущее, — сказал Роджер Баттон. Возвышенность была ему нужна — его эстетические чувства находились в рудиментарном состоянии. — Такого старика, как я, не обучишь новым трюкам, — заметил он глубокомысленно. — Это вас, молодых, энергичных и полных жизненной силы ждет великое будущее.

Далеко впереди у дороги показались огни загородного дома Шевлинов и послышался какой-то взды-

хающий звук, неуклонно приближавшийся к ним, — то ли тихая жалоба скрипок, то ли шелест серебряных колосьев под луной.

Они подъехали следом за красивым одноконным экипажем, пассажиры которого высаживались у парадной двери. Сначала сошла дама, следом пожилой джентльмен, затем еще одна дама — молодая и прекрасная. Бенджамин вздрогнул, — казалось, некая химическая реакция разъединила и скомпоновала заново мельчайшие частицы, составляющие его тело. Его охватило оцепенение, кровь прилила к щекам, ко лбу, а в ушах что-то ритмично забúхало. Это пришла первая любовь.

Девушка была само изящество и хрупкость, волосы ее, пепельные под луной, отливали медовым золотом при свете шипящих газовых фонарей над крыльцом.

На плечи ей была наброшена испанская мантилья нежнейшего желтого цвета с черными разводами в виде бабочек. Из-под подола ее туго зашнурованного платья поблескивали пуговицы на ботинках.

Роджер Баттон наклонился к сыну.

— Это юная Хильдегарда Монкриф, — сообщил он, — дочь генерала Монкрифа.

Бенджамин холодно кивнул.

— Хорошенькая, — сказал он равнодушно. Но когда чернокожий юнец принял их экипаж, он добавил: — Папа, может, представите меня ей?

Они приблизились к группе, центром которой была мисс Монкриф. Возвращенная в старых традициях, она присела перед Бенджамином в глубоком реверансе. Да, он может рассчитывать на танец. Он поблагодарил ее и отошел прочь, заметно пошатываясь.

Время тянулось бесконечно медленно, пока он ждал своей очереди. Он подпирал стену, молчаливый, загадочный, и убийственным взглядом наблюдал, как молодые щеголи Балтимора увиваются вокруг Хиль-

дегарды Монкриф и лица у них горят страстным обожанием. Какими же гадкими казались они Бенджамину, какими нестерпимо румяными и цветущими! Их кудрявые шатенистые бачки вызывали в нем чувство, близкое к несварению.

Но зато когда настал его черед и они поплыли по паркету под музыку новейшего парижского вальса, вся его ревность, все его тревоги растаяли, точно снег. Слепленный, очарованный, он ощущал, что жизнь только начинается.

— Вы и ваш брат приехали следом за нами, не так ли? — спросила Хильдегарда, глядя на него ярко-бирюзовыми глазами.

Бенджамин замешкался. Если она приняла его за отцовского брата, не лучше ли сразу разубедить ее? Он вспомнил свой горький йельский опыт и решил не рисковать. Грубо возражать даме. И просто преступно омрачать такое изысканное событие гротескной историей его происхождения. Может быть, позднее. Так что он кивал, улыбался, слушал и наслаждался счастьем.

— Мне нравятся мужчины вашего возраста, — говорила ему Хильдегарда. — Все молодые люди так глупы. Хвастаются, сколько шампанского они выпили в колледже и как много денег проиграли в карты. А мужчины вашего возраста тонко понимают чувства женщины.

Бенджамин немедленно захотел сделать ей предложение — и невероятным усилием воли подавил в себе этот порыв.

— Вы сейчас в таком романтическом возрасте, — продолжала она. — Пятьдесят! В двадцать пять все слишком уж искушенные, в тридцать — бледные от изнурительного труда, сорок — возраст долгих рассказов длиной в целую сигару. Шестьдесят — ох, в шестьдесят уже недалеко и до семидесяти, но вот пятьдесят

лет — это мужчина в самом соку. Я люблю пятидесятилетних.

Пятьдесят лет показались Бенджамину роскошным возрастом. Он страстно захотел стать пятидесятилетним.

— И я всегда говорила, — продолжила Хильдегарда, — что лучше выйду за мужчину пятидесяти лет, который будет холить меня и лелеять, чем за тридцатилетнего, чтобы холить и лелеять *его*.

Весь дальнейший вечер для Бенджамина был окутан медовой дымкой. Хильдегарда одарила его еще двумя танцами, и оказалось, что они восхитительно единомысленны во всех насущных вопросах современности. Она согласилась поехать с ним кататься в ближайшее воскресенье, дабы продолжить обсуждение вышеупомянутых вопросов.

Возвращаясь в фаэтоне домой как раз перед рассветом, когда с жужжанием пробуждались первые пчелы и тающая луна тускло мерцала в каплях прохладной росы, Бенджамин вполуха слушал, как отец обсуждает с ним оптовую продажу скобяных товаров.

— ...И какой же, по-твоему, вид металлоизделий заслуживает нашего наибольшего внимания после молотков и гвоздей? — спросил Баттон-старший.

— Любовь, — рассеянно ответил Бенджамин.

— Любой? — воскликнул Роджер Баттон. — Надо же! Я как раз подумывал расширить ассортимент.

Бенджамин обратил к нему ошарашенный взгляд, и внезапно небо на востоке взрезала полоса света, и в ветвях оживших деревьев пронзительно свистнула иволга...

6

А шесть месяцев спустя, когда о помолвке мисс Хильдегарды Монкриф и мистера Бенджамина Баттона стало известно (я говорю «стало известно», по-

тому что генерал Монкриф недвусмысленно дал понять, что скорее падет на собственную саблю, нежели *объявит* об этой помолвке), все высшее общество Балтимора пришло в крайнее возбуждение. Почти забытая история рождения Бенджамина Баттона была извлечена на свет и пущена по ветру скандала в самых пикантных и изощренных формах. Дескать, Бенджамин Баттон на самом деле — отец Роджера Баттона, нет, он его брат, просидевший сорок лет в тюрьме, нет, в действительности это переодетый Джон Уилкс Бут — и, наконец, у него из головы пробивается пара небольших конусообразных рогов.

Воскресные приложения нью-йоркских газет обыгрывали новость в захватывающих карикатурах, на которых голова Бенджамина Баттона красовалась на теле рыбы, змеи и, наконец, на туловище из чистейшей латуни. В среде газетчиков он стал известен как Таинственный Мэрилендец. Однако истинная его история, как водится, не получила широкой огласки.

Впрочем, все и каждый были согласны с генералом Монкрифом в том, что просто преступно швырять прелестную девушку, которая может выйти за любого красавца Балтимора, в объятия человека, коему явно не меньше пятидесяти. Мистер Роджер Баттон опубликовал свидетельство о рождении Бенджамина во всю полосу балтиморской «Звезды». Никто ему не верил. Достаточно было просто взглянуть на Бенджамина, чтобы убедиться в обратном.

Однако все это не поколебало решимости тех двоих, кого это непосредственно касалось. Вокруг ее жениха нагородили столько лживых рассказней, что Хильдегарда решительно отказывалась верить даже правде. И вотще генерал Монкриф указывал ей на высокую смертность среди мужчин пятидесяти лет или, по крайней мере, тех, кто выглядит на пятьдесят. Напрасно

он рассказывал ей о том, как нестабилен рынок металлопродукции. Хильдегарда решила выйти за «мужчину в самом соку» и вышла...

7

В одном, по крайней мере, ошиблись доброжелатели Хильдегарды. Оптовая торговля скобяными изделиями процветала. За пятнадцать лет, прошедших с момента свадьбы Бенджамина Баттона в тысяча восемьсот восьмидесятом году, до ухода на покой его отца в тысяча восемьсот девяносто пятом, семейное состояние удвоилось — и в немалой степени благодаря младшему партнеру фирмы.

Нет нужды говорить, что Балтимор в итоге принял пару в свое благосклонное лоно. Даже старый генерал Монкриф примирился со своим зятем, когда Бенджамин дал ему денег на издание «Истории Гражданской войны» в двадцати томах, которую до этого наотрез отказались публиковать девять крупнейших издательств.

За эти пятнадцать лет Бенджамин пережил множество перемен. Казалось, кровь в его жилах заструилась с новой силой. Как радостно стало ему вставать поутру, бодро шагать по людным, залитым солнцем улицам, без усталости трудиться над доставкой молотков и отгрузкой гвоздей. А в тысяча восемьсот девяностом году он осуществил свой знаменитый бизнес-прорыв: Бенджамин выдвинул предложение считать, что «все гвозди, которыми заколачиваются ящики для перевозки гвоздей, являются собственностью отправителя груза». Одобренное верховным судьей Фоссайлом, это предложение стало законом и позволило фирме Роджера Баттона экономить более *шестьсот гвоздей ежегодно*.

СОДЕРЖАНИЕ

Загадочная история Бенджамина Баттона <i>Перевод Е. Калявиной</i>	5
Алмазная гора. <i>Перевод В. Муравьева</i>	41
Молодой богач. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	86
Решение. <i>Перевод М. Загота</i>	136
Волосы Вероники. <i>Перевод Л. Беспаловой</i>	155
«Самое разумное». <i>Перевод С. Белокрыницкой</i>	188
Первое мая. <i>Перевод Т. Озерской</i>	206
Ледяной дворец. <i>Перевод В. Харитонова</i>	276
Последняя красавица Юга <i>Перевод Татьяны Ивановой</i>	307
Вечер танцев. <i>Перевод Е. Петровой</i>	330
Опять Вавилон. <i>Перевод М. Кан</i>	350
Две вины. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	379
Сама по себе. <i>Перевод В. Бабкова</i>	406
Хрустальная чаша. <i>Перевод А. Яврумяна</i>	431
Бурный рейс. <i>Перевод А. Кистяковского</i>	460
Пловцы. <i>Перевод М. Кореневой</i>	487
Сумасшедшее воскресенье <i>Перевод И. Архангельской</i>	516